

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

СИНИЙ, БЕЛЫЙ, КРАСНЫЙ,
ЖЕЛТЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление *Екатерины Ферез*

Ранее книга издавалась под названием
«Дневник чужой жены»

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Синий, белый, красный, желтый : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой).

ISBN 978-5-17-161147-7

Валентина была прекрасна. Ее страстью были скорость и риск, она шла к победе любой ценой, играла страстями мужчин, смеясь над ними. Глеб бросился к ее ногам, забыв о невесте, о былой любви и клятвах верности... И вот Валентина убита. Ее обнаженное тело, искромсанное ножом, осталось лежать в спальне дома, где она жила с Глебом. Рядом находился мертвый любовник. Внезапно появившийся дома муж, жена, любовник, убийство... Наверняка именно так обстояло дело. Однако Глеб настаивает на своей невинности. И приполз он за помощью именно... к Рите, бывшей невесте, которую столь вероломно выбросил когда-то из своей жизни! Неужели он и сейчас, спасая собственную шкуру, хочет воспользоваться ею, ее былой любовью?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161147-7

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2024

1

Говорят, тридцать три года для мужчины возраст кризисный. То ли заболеешь, то ли попадешь в скверную ситуацию, из которой если выкарабкаешься, считай, фортуна к тебе благосклонна. Глеба Печернина можно было назвать баловнем судьбы, он прочно уселся на колесо Фортуны и несся вскачь, а о таком здоровье, как у него, можно было только мечтать. Благодаря отцу и дяде у него было полно денег, а именно они делают человека независимым и стабильно уверенным. В чем уверенным? Да в том, что мир создан исключительно для него. На Глеба, образно говоря, с неба свалились деньги, сам-то он не очень тяготел к работе. И слава богу, что есть небо, откуда сыплются деньги, которые он бездумно тратит, как часто упрекает отец, да и дядя тоже. Но деньги для того и существуют, чтобы их тратить, Глеб это прекрасно усвоил. У него есть жена-красавица, которая ничего не делает и ничего не умеет, да и необязательно ей что-то делать. Правда, у нее скверный характер, стопроцентная пофигистка. Ей бы выкурить сигаретку, потрепаться за бокальчиком мартини, ну, в охотку лениво закатить скандальчик, на остальное плевать. Так ведь красавица. За это ей прощается многое. Что еще? Домик! Как же, как же! У любимца Фортуны обязательно должен быть собственный домик хотя бы в два этажа. Вот Глеб и выстроил такой. Чего же у него нет? Детей? Будут. Правда, его ро-

дители жаждут срочно занять внуков, подгоняют, но Валентина всякий раз при упоминании о детях тоскливо зевает. Да и Глеб считает, что эти радости впереди, куда торопиться?

В один из мартовских вечеров Глеб был голоден, как лев, и счастлив, как мальчишка. Ну, первое понятно — времени было около десяти, а он в пять часов пил лишь кофе, намереваясь поест на банкете. Работа челюстями — это хоть какое-то занятие на заурядной попойке, где лица одни и те же, разговоры тоже, от скуки можно подохнуть. Однако планы резко изменились. Какой же болван поедет на пьянку, когда тебе пригнали джип «Тойота Лендкрузер»? Глеб не отказал себе в удовольствии сесть за руль, а банкет послать к чертям собачьим. Он в упоении колесил по городу целый час, когда же голод обострился, направился домой. Насвистывая любимую мелодию, он легко и практически бесшумно катил по улицам, мечтая похвастать перед женой приобретением. На банкет она отказалась идти из-за недомогания, дома сидит. Кстати, не мешает отметить появление новой игрушки, разбить о джип бутылочку шампанского, так сказать, дать дорогу в жизнь автомобилю.

На светофоре тормознул, открыл окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, а в салон ворвались выхлопные газы, смешанные с мартовским холодом. Весной и не пахло, она как будто забыла про этот край, где в марте всегда тепло. Глеб нажал на кнопку, и стекло отделило его от улицы. Решив предупредить жену, чтобы она позаботилась об ужине, набрал на сотовом телефоне номер. Длинные гудки его насторожили. Дома никого нет? Глеб в сердцах бросил телефон на сиденье рядом, разозлившись не на шутку. Куда это ушла Валентина в такой час? Какие у нее могут быть дела на ночь глядя да еще с больной головой? Ревнивому человеку — а таким Глеб и был — отсутствие жены поздним ве-

чером представлялось в дурном свете. Ну на самом деле, магазины давно закрыты, Валентина не работает, когда идет к подругам — предупреждает. Где она может быть? Он прибавил скорость, и автомобиль понесся к дому.

Джип не поставил в гараж — не терпелось попасть домой. Выскочив из авто и поднимаясь по ступенькам, достал ключи, вставил в замочную скважину.. Опа-на! Дверь не заперта! Это называется: заходи, кто хочет, и бери все, что попадется под руку.

Свет горел в гостиной, значит, дорогая и законная только-только пришла домой. Интересно, где она шлялась? В кухне-столовой свет не горел, поэтому Глеб не стал даже заходить туда, а направился вверх. Наверняка она в спальне переодевается. Взбежав по лестнице с твердым намерением потребовать от супруги отчета — где была, почему обманула, придумав головную боль, и какого черта бросает открытым дом, — Глеб толкнул ногой дверь спальни и... несколько опешил. В спальне стояла темень. Шаря по стене в поисках выключателя, он споткнулся о какой-то предмет, чертыхнулся про себя, но вот нащупал квадратную клавишу, ударил по ней пальцем. Свет на долю секунды ослепил, а потом...

То, что увидел Глеб, не поддается описанию! Он замер в оцепенении, словно некто выключил его, как выключают электрический прибор. Глеб перестал что-либо чувствовать и соображать... А в ванной шумела вода. Душ. У них в доме две ваннные комнаты — внизу и наверху рядом со спальней. В ванной текла вода, а у Глеба в венах застыла кровь, казалось, все жилы под кожей вот-вот лопнут. Не в силах сдерживать напряжение, он ахнул кулаком по стене и закричал, как от боли...

Нина вымыла руки в дамской комнате, вытирая их, посмотрела на свое отражение. Почти двенадцать ночи было, а выглядела она как свежий

бутончик, не чувствовала усталости, впрочем, энергии в ней хватит на десятерых. Некоторые знакомые утверждали, что Нина — искра, из которой, не приведи бог, возгорится пламя. В самом деле, Нина все делала быстро, решения принимала мгновенно, если ошибалась, тут же находила массу выходов, умела наладить контакты с самыми разнообразными людьми и не имела привычки впадать в уныние. Да, теперь она никогда не унывала.

Подумать только, еще два года назад она была на грани помешательства. Нина осталась тогда без любимого (вот бы черт прокрутил его в мясорубке!), без работы, без малейших перспектив. И это произошло в двадцать шесть лет! Приятельница помогла устроиться на работу.. менеджером по уборке. Замечательно, что есть такие красивые слова! Особенно если не знаешь, как на самом деле это выглядит. А выглядит так: приходишь утром в офис, берешь швабру, тряпку, веник и вперед — на ниву менеджмента! То есть на уборку офиса похотливого хорька, считавшего своим долгом хлопнуть Нину по попке или зажать в углу, когда она попадалась ему в темном месте. Нина терпела, стиснув зубы. Потому что семьсот рублей на дороге не валяются. За коммуналку хоть и немного платить приходилось, а все же плати. Да и есть надо, пусть два раза в день, пусть кашу и хлеб, но есть. Без еды еще никто не пробовал прожить долго. Это приятельница уговорила похотливого хорька написать в трудовой книжке Нины должность «менеджер по уборке», а то как-то несолидно человеку с высшим образованием иметь запись «уборщица». Слава богу, что хорек только прижать и мог, а то бы Нина опять осталась без работы, потому что спать с ним не согласилась бы ни за какие коврижки. Зато всем, без исключения, он хвастал: у меня даже уборщицы с высшим образованием. Но те времена прошли безвозвратно.

перь Нина из натуральной Золушки превратилась в директора кафе, предпринимателя. Нет-нет, не принца повстречала, с принцами покончено раз и навсегда два года назад. Все, что она сейчас имеет, — благодаря папе, которого даже не знала!

Нина сняла аметистовые клипсы, бросила их в сумочку и помассировала мочки ушей. Раньше это были серьги в серебряной оправе, доставшиеся от бабушки. Нина не прокалывала уши из-за единственных серег, а отдала их ювелиру, и тот сделал клипсы. Оглядев себя со всех сторон и подкрасив губы, она сказала с чувством:

— Спасибо, папа.

Тут же смутилась. В ее словах прозвучал цинизм. Видимо, предприниматели в конце концов все, без исключений, становятся циниками, как утверждает Машка Цеткин — соседка по коммуналке. Но Нина действительно благодарна папе, хоть и был он... плохим человеком, очень плохим. Впрочем, об этом думать не стоит.

Она вошла в зал. В ее собственный зал! Сегодня много пустых столиков — жаль. Нина села в углу, включила настольную лампу — ей хотелось поработать еще немного. Пришли кое-какие идеи по привлечению клиентов. Надо использовать день в полной мере, а не ждать, когда забредут посетители, особенно в выходные. Вечером в выходные полно народу — не попасть, а днем — маловато. И Нина придумала, как забить кафе днем. Воскресные семейные обеды! Для этого она возьмет менеджера, задача которого продать зал. Клиенты не просто придут вкусно поесть. Здесь их будет ждать развлекательная программа, Нина договорилась с самодельными актерами, они придумают шутки, игры. Пап и мам с чадами будут встречать лиса Алиса и кот Базилио... это будет здорово. А если договариваться напрямую с классными учителями о таких обедах?

А сколько младших классов в школе? А сколько 9

школ в городе! Вот тебе забытые днем выходные, вот тебе прибыль и — с дороги, конкуренты! Нина принялась обдумывать идею и аккуратно писать в тетради план действий. Еще следовало подсчитать затраты и прибыль за первую половину недели, но скучную, в то же время необходимую работу отложила на завтра.

Внезапно Нина почувствовала на себе чей-то взгляд. Еще не осознавая, от кого он идет, занервничала, подняла голову от тетради... Екнуло сердце. По залу — без сомнения, к ней — шел ОН! Нина лихорадочно вспоминала, как выглядит. Надо было надеть фиолетовый костюм строгого кроя, который великолепно сочетается с ее фиалковыми глазами. Надо было макияж нанести тщательно, а не абы как, потому что торопилась, и маникюр сделать — лак на двух ногтях облупился. А губы? Она накрасила их или нет? Однако Нина ничем не выдала панику, лишь удивленно приподняла одну бровь. Брови у нее красивые, таких ни у кого нет — взлет, черные и широкие, к вискам зауженные. И вообще, она эффектная — так многие считают. А ОН бросил такую красоту! Кто ОН после этого? И чего ему теперь надо?

Он тяжело опустился на стул, не спрашивая разрешения, ладонью провел по лицу, будто стер усталость, и уставился на Нину — не поймешь, каким взглядом.

— Здравствуй, Нино. — Только он ее так называл: Нино, Нинон, Нинка, Ниночка... Как это было давно...

— Привет, — повела она плечиками, словно от холода, и погрузилась в счета.

Сделала вид, что погрузилась в счета. В данную минуту они ей были глубоко безразличны. Но он должен видеть, какая Нина занятая женщина. Делая пометки там, где аккуратно выводила идеи по привлечению клиентов, Нина практически ничего не видела и что писала — понятия не имела. Но писала. Просто строчила.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он после

— Тебя это огорчает? Как поживаешь?

— Дежурный вопрос. Тебе больше нечего мне сказать?

Нина откинулась на спинку стула, упираясь руками в стол, и с наслаждением процедила, не забыв надеть на лицо коварную улыбку:

— Знаешь, Печернин, если начну говорить то, что мне хочется сказать тебе, я не остановлюсь до завтрашнего вечера. А у меня масса работы.

— Извини, — произнес он потерянно, будто рассчитывал совсем на другой прием. — Мне захотелось тебя увидеть, Нина.

— Что так? — И она снова уткнулась в бумажки. — Проблемы? (О, как она мечтала о проблемах, разумеется, о его проблемах!)

— М-да... в общем-то... Мы не могли бы уединиться?

С одной стороны, ей нестерпимо хотелось наговорить ему кучу самых гадких гадостей. С другой стороны, проблемы Глеба жутко обрадовали, захотелось вызнать подробности, чтобы бросить в лицо бывшему почти мужу: так тебе и надо!

— Идем, — сказала она, собирая со стола бумаги.

Нина привела его в свой маленький кабинет, где еще не был закончен ремонт, который она делала сама в свободное время. Да, она делает все, что может, сама, экономия — теперь главная черта Нины, хлебнувшей нищеты через край. В кабинете только одна стена была оклеена обоями, у нее стоял стол и два стула. Все остальное пространство занимали краски в банках, шпатлевки, инструменты, рулоны обоев, ведра, тряпки, складная лестница. Нина предложила незваному гостю стул, сама же села за стол — за свой стол, в ее кабинете, в своем маленьком ресторанчике! Кафе звучит очень буднично, Нина считает свое детище ресторанчиком! Она скрестила руки на груди и приподняла подбородок, мол, слушаю тебя. Глеб Печернин достал сигареты, спохватился:

— Можно?

— Кури, — разрешила Нина, не сводя с него фиалковых глаз.

— А ты? — протянул он пачку дорогуших сигарет.

— Раньше не курила, потому что деньги жалко было тратить на дым, а сейчас не курю, потому что берегу здоровье.

Он закурил. Молчал. «Все так же красив, сволочь, — подумала Нина, глядя на него. — Откуда ты взялся? Два года носа не показывал, а сегодня явился. Ну, почему, почему я хочу услышать, что ты разводишься? Как же я тебя ненавижу!» От долгой паузы, навязчивых и противоречивых мыслей Нина заерзала на месте. Глеб будто очнулся, искал пепельницу, не нашел, а Нина не предложила что-нибудь взамен, тогда он стряхнул пепел прямо на пол и тяжело вздохнул:

— Мне очень захотелось тебя увидеть.

— Ты уже говорил, — холодно сказала Нина, просто окатила его холодом.

— Да? — удивился он, подняв на нее растерянные глаза. И никакой реакции на холод со стороны Нины! Вдруг он произнес то, о чем она мечтала ночами: — Прости меня, Нинка.

Мечтать-то мечтала, но не бросаться же ему на шею после этих слов! Нет уж, дудки. Один раз он предал ее самым подлым образом, тогда прозвучала другая фраза: «Прости, Нинка, я люблю другую». А они собирались пожениться через месяц, жили вместе в его квартире целый год, он строил дом, постоянно советуясь с ней, как лучше расположить комнаты, какая должна быть мебель... и вдруг «Я люблю другую!». Банальная избитая фраза. Только Нина не думала, что ей предстоит услышать эту фразу. От той боли, которую он причинил тогда, хотелось утопиться, проглотить сто таблеток снотворного

12 и не проснуться. Нина осталась одна на свете. По-

чему же одна? С подушкой, мокрой от слез, с унижением и стыдом, потому что он ее бросил.

— Я давно тебя простила, — сказала она с дежурной улыбкой и тоном, который не дает никаких надежд.

— Ты правду говоришь? — несколько оживился он.

Да нет, он не просто оживился, он обрадовался. Чему же? Прощению? Тогда Глеб ошибается, думая, что Нина вместе с прощением падет перед ним ниц.

— Господи, ну конечно, правду, — нарочито бодро зачирикала она. — В конце концов прошло два года, за это время многое изменилось. У меня собственное дело, я пользуюсь популярностью, как кинозвезда. А знаешь, кто помог мне открыть ресторанчик? Мой... друг. (Здорово придумала!) Да, друг. Кажется, сейчас именно так говорят: мой друг. Он старше меня на пятнадцать лет, умный, богатый, красивый, щедрый, высокий... (не переборщила?). Так вот, он дал денег... триста тысяч... (Маловато.) Или триста пятьдесят... точно уже не помню. (Эх, надо было сразу миллион загнуть.) Остальную сумму я добавила из своих, вырученных от продажи дома денег. Он говорит, что женщине в наше время необходимо иметь материальную независимость. Правда же, он прав?.. Ты не слушаешь?

Глеб, действительно, смотрел сквозь Нину, но на вопрос ответил:

— Нет, почему же... я слушаю. Значит, ты собираешься замуж?

— Замуж? — глупо рассмеялась она и возненавидела себя за идиотский смех. — Нет, не собираюсь... вернее, собираюсь, но не сейчас. Позже. Я не предложила тебе выпить, извини. Что будешь пить?

— Водку.

Нина вспорхнула со стула, как колибри с цветка, и вылетела из кабинета. Сразу за дверью схватилась ладонями за щеки. Ладони были холодные, а щеки пылали. «Зачем он пришел? — проносилось 13

в ее головке, когда собирала на поднос дорогую водку (пусть знает, что она богатая), томатный сок, тоник, стаканы, рюмки. — Забыла, чем он закусывает водку? Лимоном или огурцом? И то и другое положу. Что ему нужно от меня? А, какая разница? Он ничего не получит, кроме насмешек».

Схватив поднос, Нина вылетела из кухни, где поварахи заканчивали мыть плиты и собирались домой. Но вернулась. Положила еще шесть корзиночек с чудесными закусками. Схватив поднос, поскакала в кабинет уже как антилопа. У двери выпрямила спину, вошла спокойно, как спартанец перед смертельной битвой.

Глеб все так же, не меняя позы, сидел на стуле. Пожалуй, слишком сгорбился, что совсем не вязалось с ним. Он всегда уверенный, самодостаточный, занимался спортом — альпинизмом и горными лыжами, следовательно, подтянут. Не пьет, иногда курит. А сегодня сгорбился и попросил водки. Не коньяку, не виски, не какой-нибудь экзотической текилы, а снизошел до водки. Наверное, он обанкротился. Вот было бы славно. Нина поставила поднос на стол и любезно предложила:

— Сделать «Кровавую Мэри»?

— Нет.

Он налил водки в стакан, а не в рюмку, примерно половину! Выпил залпом и не закусил ни лимоном, ни огурцом. Только сейчас Нина подумала, как пошло выглядит соленый огурец на тарелке рядом с ломтиками лимона. Не прикоснулся к ее фирменным корзиночкам! Ах, корзиночки! Каждую можно сразу отправить в рот и проглотить заодно собственный язык. Все вечерние клиенты обязательно заказывают корзиночки с деликатесами. Тесто просто тает во рту, начинка самая изысканная — креветки в соусе, семга с измельченными оливками, говяжий язык с зеленым горошком,

а все это венчает крем, приготовленный

из взбитого майонеза с добавлением зелени, специй, лимонного сока. Есть и другие начинки — паштеты, салаты, дело не в этом. Глеб не стал закусывать божественными корзиночками примитивную водку! Одним словом, зажрался! И вдруг он сказал такое, отчего ее обдало кипятком:

— Знаешь, Нинка, я... рогоносец. (Какое приятное откровение!) Больше всего на свете боялся рогов, теперь их у меня в избытке, представляешь?

— Так ты явился ко мне зализывать раны? — усмехнулась она, плохо скрывая торжество. — Должна сказать, ты выбрал неудачный объект. Я не умею утешать.

— Да нет, я не раны пришел зализывать... Мне не к кому пойти.

— Но ты пришел почему-то ко мне! — В нагрузку к рогам хотелось вlepить ему пощечину. Но она не опустилась до уровня скандалистки. Зачем же? Есть слова. Есть и тон: нежно-ласковый, это посильнее рукоприкладства. — Прекрасно! От любимой жены, наставившей тебе рога, ты пришел к бывшей любовнице, которую вышвырнул из своего дома. Нет-нет, не надо взваливать на меня свои рога. Я их не приму, потому что уже была в роли рогоносительницы, ограничусь лишь сочувствием.

— Нина... — застонал Глеб. — Ты говорила, что простила меня.

— Но не до такой же степени, чтобы принять тебя на грудь.

— Я не все рассказал.

— Что еще? Твоя облезлая кошка обокрала тебя и сбежала с любовником? — не смогла удержаться от язвительности Нина.

— Хуже, — выговорил он и опустил голову. — Нина, случилось страшное... Не знаю, как сказать...

Она... убита. Ее кто-то убил сегодня...

Нина сначала не поняла смысла чудовищных слов, произнесенных Глебом, потому без всякой язвительности едва слышно произнесла:

— Что-что? Что ты сказал?!

— Ее убили. Ее убили в нашей спальне...

2

Наверное, она молчала минут десять, а может, и все полчаса. Глеб тоже не произносил ни звука, а налил водки и выпил, снова не закусывая. Так и сидели оба молчком. В коридоре кто-то позвал Нину, она вышла. Это была повариха, уходившая последней:

— Нина Александровна, закройте. В кафе уже никого нет.

Нина проводила ее к парадному входу, тщательно заперла двери, подключила сигнализацию и вернулась к Глебу. Нет, у нее в голове не укладывалось: Валька изменяла Глебу, а ее кто-то убил? Белиберда какая-то!

— Ты застал ее на месте преступления? — подходя к столу, осторожно спросила она, так как в душу закрались некоторые подозрения.

— Нет, — покачал он головой. — Я задержался на работе... ты же теперь бизнесмен, знаешь, сколько накапливается работы. А приехал домой после десяти. Дверь дома была открыта, в гостиной горел свет... Я поднялся в спальню... Там и увидел... ее мертвой...

— Но откуда ты знаешь, что она... тебе изменяла?

— Она там не одна. — Глеб налил еще водки, выпил.

— Что значит не одна? — вытаращила глаза Нина.

— Там мой друг... я думал, что он мне друг.

— А с ним что? Надеюсь, он жив?

Глеб отрицательно качнул головой. Нина снова надолго задумалась. Как это все понимать? Если это шутка, то глупая, если правда, то неправдоподобная. А не Глеб ли укокошил изменницу? Вот

это номер! Грохнул Вальку с любовником и примчался к Нине! Он что, дурак? Разве способен Глеб поменять роскошную жизнь на колючую проволоку? Никогда. А впрочем, в такой момент человек не соображает, что творит. Нине тоже хотелось его убить, когда он бросил ее, но пистолет не на что было купить. Все равно не верилось ни в то, что Валька убита, ни в то, что это сделал Глеб. Нина спросила:

— Ты хорошо рассмотрел? Может, они просто спали?

— Там очень много крови... очень много. Валентина лежит на кровати, а он... он на полу. Я плохо соображал. Представь, каково мне было...

— Представляю, — с искренним сочувствием сказала она, но подумала: «Это сказки. Ты, наверное, придумал все, чтобы разжалобить меня. Не пойму только, зачем?»

— Я выбежал из дома, — говорил тем временем Глеб, — сел в машину и долго колесил по городу. А потом... потом приехал к тебе... сам не знаю зачем. Я не могу один...

— Надо было полицию вызвать.

Он взглянул на нее абсолютно трезвыми глазами, а ведь выпил граммов триста, не меньше. Потом нахмурился и произнес:

— Ты не понимаешь. Первого, кого будут подозревать, — меня. Их убили в спальне, они оба голые... Полиция подумает, я убил их из ревности. Меня посадят, а я в тюрьму не хочу.

— Но почему тебя посадят, если не ты... А это... не ты?

— В смысле? — не понял он.

— Это не ты... убил?

— Вот! Этого я и боюсь! — Он вскочил со стула и затоптался на месте, так как кабинет очень небольшой, да и загроможден. — Даже тебе пришла мысль в голову, что я убил! Я не убивал! — Он вдруг подскочил к Нине, схватил ее за плечи и яростно затряс: — 17